

Глава 18

Вдовствующая Императрица Чжан на мгновение ошеломилась, а старшие министры, стоявшие рядом с ней, немедленно поправили свои одежды и спустились во двор. Молодые дворяне во дворе одновременно преклонили колени.

Ледяной Император вновь прибыл.

В этот момент внезапно появилась Сяо Ай и сказала: «Среди них есть Се Лянби».

Фу Е почувствовал волнение в сердце. Спускаясь по нефритовым ступеням, он взглянул на толпу и заметил нескольких молодых аристократов, чьи нефритовые короны и пояса, усыпанные жемчугом, сверкали в лучах солнца. Их одежды, расшитые золотыми нитями, блестели в свете.

Такое ослепительное собрание благородных красавиц было поистине праздником для глаз.

Когда Фу Хуан вошел, он увидел, что Фу Е смотрит на толпу. Только когда он подошел ближе, Фу Е повернулся, чтобы поприветствовать его.

Собравшиеся одновременно преклонили колени и поклонились, провозгласив: «Да здравствует Его Величество!»

Фу Е поклонился. «Императорский брат».

Из-за учебы он был одет довольно просто. Однако, благодаря хорошему питанию в последние несколько дней, его кожа казалась еще более светлой, чем когда он только вернулся, а веки были окрашены нежным румянцем, как будто на них нанесли румяна. Он выглядел еще более сияющим, чем на новогоднем банкете.

Его естественная красота затмевала даже его прекрасную одежду.

Никто не знал, как он стал таким изящным.

Он также любил украшения, особенно искусно подобранные аксессуары. Хотя его одеяние было простым, оно было украшено нитью из семи драгоценных камней, которые тихо звенели при каждом его движении. Он обладал благородным видом принца, но не имел его строгой власти, казался очень доступным.

Фу Хуан взглянул на дворцовую матрону Сунь и других, и сразу же служанки принесли стулья.

Императрица Чжан сидела на стуле поблизости, ее золотые ногти прослеживали золотые узоры лотоса на рукавах, а выражение ее лица было мрачным.

Фу Хуан проигнорировал ее, без церемоний сев рядом с ней, и спросил: «Ты уже сделал свой выбор?»

Фу Е повернулась к нему и ответила: «Еще нет».

Служанка подала чай, но Фу Хуан не обратил на это внимания, лишь слегка махнув рукой. «Продолжай свой выбор».

Ему тоже принесли стул.

В воздухе витала напряженность. Собрав свои одежды, чтобы сесть, он слегка кивнул, и внутренний чиновник начал объявлять имена молодых дворян во дворе.

«Сын заместителя министра работ, Сюэ Жуюнь, семнадцать лет».

Хм. Все это казалось странно знакомым.

Как только глашатай закончил, из толпы вышел красивый юноша и глубоко поклонился.

Он был довольно очарователен, хотя заметно дрожал.

Бедняжка — красавец выглядел готовым заплакать.

Однако с приходом Фу Хуана молодые дворяне во дворе выглядели гораздо более испуганными, и никто не осмеливался поднять голову.

Они боялись императора или того, что их выберут?

Фу Е осмотрел их одного за другим, сосредоточившись только на поиске Се Лянби. Вдруг он услышал, как глашатай объявил: «Сын канцлера Се, Се Лянби, двадцать лет».

Он выпрямился и наклонился вперед, чтобы лучше видеть.

Фу Хуан слегка откинулся на подлокотник, наблюдая, как из толпы вышел поразительно красивый молодой человек.

Одетый в серебряный плащ, вышитый бамбуковыми узорами, с лицом, прекрасным как нефрит,

он сиял, как отполированный нефрит.

Канцлер Се, этот хитрый старый лис, имел суровый и строгий вид, но его сын был наделен замечательными чертами лица — как меч, облеченный в элегантность, он излучал атмосферу необычайного самообладания.

Се Лянби поклонился и сказал: «Ваш подданный, Се Лянби, приветствует Вдовствующую Императрицу Чжан, Его Величество и Его Высочество принца Хуана».

Его голос звучал как тонкий нефрит, а лицо было действительно безупречным. Высокий ростом и горячий сторонник Фу Хуана, Фу Е слышал, как Сяо Ай рассказывала его историю — действительно человек с непоколебимой лояльностью. Более того, горячая преданность в его взгляде, когда он смотрел на Фу Хуана, была очевидна.

Такой верный последователь заслуживал внимания.

Поэтому Фу Е спросил: «Вы занимаете официальную должность?»

Фу Хуан бросил на него косой взгляд.

Се Лянби ответил: «Ваш подданный недавно вступил в императорскую гвардию Золотой доспех».

Дворцовая гвардия традиционно была первым выбором для сыновей высокопоставленных чиновников, хотя гвардейцы Золотой броне не входили во внутренний дворец. Учитывая его статус сына канцлера Се, вполне вероятно, что он получил эту должность без использования связей.

Или, возможно, канцлер Се опасался, что служить императору — все равно что ездить на тигре, и не смел подпускать сына слишком близко.

Последнее казалось более правдоподобным!

Фу Е кивнул.

Се Лянби снова поклонился и перешел направо.

Внутренний чиновник продолжил называть имена оставшихся молодых лордов.

Эти господа происходили из знатных семей, все были родственниками королевской семьи — некоторые были прекрасны, как девушки, и напоминали стройных Фу Е, а другие были

высокими и крепкими, воплощением силы. У каждого был свой шарм, что позволило Фу Е оценить тонкий вкус императорского дома.

Когда все были представлены, вдовствующая императрица Чжан спросила: «Кого ты выбрал?»

Затем, с явным подтекстом, она добавила: «Назови того, кто привлек твое внимание».

Прежде чем Фу Е успел ответить, Фу Хуан вступил в разговор: «Раз уж речь идет о товарище по учебе, почему бы не выбрать самого талантливого?»

Что еще можно было сказать?

Ты здесь главный — решай сам.

Фу Е послушно ответил: «Младший брат согласен».

Внешность и статус были очевидны с первого взгляда, но талант можно было оценить только по академическим достижениям. Самым талантливым, естественно, был третий сын академика Чжана, Чжан Цзяньвэнь, известный как самый ученый среди молодых элит столицы.

Вдовствующая императрица Чжан тоже была довольна.

Чжан Цзяньвэнь был неприметным и довольно скромным, но среди потомков клана Чжан он был самым образованным. Самый младший из вновь поступивших в прошлом году ученых, он два года прослужил компаньоном принца по учебе, что еще больше укрепило его авторитет.

Она была озадачена намерениями императора. Она ожидала, что он выберет Се Лянби, который преуспевал как в гражданских, так и в военных искусствах.

Но это было типично для Фу Хуана — человека, который играл по своим собственным правилам.

В последнее время император делал много непонятных шагов. Такого человека было невозможно предсказать, и вдовствующая императрица Чжан находила это глубоко раздражающим.

Были объявлены результаты: Чжан Цзяньвэнь останется, а другие молодые лорды поочередно уйдут.

Возможно, потому что многие из них впервые посещали дворец, некоторые из них продолжали украдкой оглядываться назад.

Некоторые из молодых дворян были развязны и красивы, выглядя как бесполезные ученые.

Их взгляды были явно прикованы к Фу Е.

Если бы они были выбраны, они наверняка стали бы подхалимами.

Фу Хуан больше всего ненавидел таких людей.

Теперь его отвращение усилилось.

Фу Хуан встал и сказал: «Если у вас есть еще какие-то просьбы, выскажите их сейчас. Как только начнутся занятия, жаловаться не разрешается».

Фраза «жаловаться не разрешается» явно не понравилась императрице-вдове Чжан. Но Фу Е случайно вспомнил кое-что — хотя упоминать об этом в ее присутствии было неудобно — и ответил: «Позвольте вашему младшему брату подумать и сообщить Вашему Величеству во время ужина».

В его тоне слышалась интимность, что заставило вдовствующую императрицу задуматься.

Она внимательно посмотрела на императора. Его брови и глаза все еще были омрачены болезненной тоской. Когда он прибыл ранее, он не поприветствовал ее должным образом и даже в присутствии многочисленных молодых дворян и старших министров оставался таким же несдержанным, как всегда. На протяжении многих лет они бесчисленное количество раз сталкивались при дворе — как политические противники, их материнско-сыновние узы давно были разорваны, и пути назад уже не было. Для нее Фу Хуан был во всех отношениях как заноза в боку. Но теперь, под лучами солнца, она заметила его алебастровую бледность, слегка смягчившую его обычную свирепость. Высокий и внушительный, его зрелые черты лица — особенно высокий, выпуклый нос — в профиль отдаленно напоминали черты покойного императора.

Но вскоре ее внимание привлекло что-то другое.

Фу Е, стоящий рядом с Фу Хуан, выглядел слишком хрупким и истощенным.

Фу Хуан стоял, как натянутый лук, возвышаясь на целую голову, создавая доминирующий контраст в росте. Если бы он прижал Фу Е, тот даже не смог бы выбраться.

Вдовствующая императрица Чжан заметила: «Наша династия всегда ценила воинское мастерство. Поскольку принц Хуан начинает свое образование, он может также научиться верховой езде и стрельбе из лука».

Фу Хуан взглянул на Фу Е и сказал: «Тогда пусть учится».

Вдовствующая Императрица Чжан: «...»

В какую игру играл император? Он согласился слишком легко.

Фу Е нашел верховую езду и стрельбу из лука гораздо более интересными, чем заучивание текстов. В современном обществе за такие занятия приходилось платить — одна только верховая езда считалась аристократическим видом спорта.

Поэтому он поклонился и ответил: «Будет так, как вы пожелаете».

Фу Хуан посмотрела на Фу Е. Под лучами солнца его кожа сияла почти прозрачной бледностью, губы были красными, а зубы белыми. Белый воротник на его шее подчеркивал его утонченную, ученую осанку — как тонко вырезанный нефрит, достоин и правильный.

Такое послушание действительно было более приятно для глаз.

После окончания занятий вечером Фу Е пошел в главный зал дворца Чистой Высоты, чтобы отчитаться о своих дневных занятиях и присоединиться к ужину.

Фу Хуан не проявлял ни внимания, ни пренебрежения к его занятиям — он просто выслушал, а затем сказал евнуху Цинь: «Подавайте ужин».

Фу Е с удивлением заметил, что весь стол был заставлен его любимыми блюдами.

Когда дело доходило до еды, никто во дворце не ел лучше, чем император. Во дворце вдовствующей императрицы Чжан круглый год соблюдался строгий вегетарианский режим, из-за чего его обеды были безвкусными и скудными.

Учеба была утомительной, поэтому он ел с аппетитом.

После еды Фу Хуан подарил ему «Четыре сокровища учебы» — изысканно выполненные, все редкие сокровища королевства. Благосклонность императора была действительно щедрой и экстравагантной. Фу Е обращался с ними с благоговейным восторгом, будучи совершенно счастлив.

Евнух Цин, наблюдая за радостью Фу Е со стороны, вспомнил, как Фу Хуан сначала приказал им достать из императорских хранилищ драгоценный меч в качестве награды для принца Хуана. Этот клинок был не просто мечом — это был дар от иностранного королевства под названием «Сияние дракона», его лезвие блестело и могло разрезать железо, как мягкую глину.

Однако по какой-то причине Фу Хуан позже приказал им вернуть его.

Затем он услышал, как император сказал принцу Хуану: «Учись хорошо. Если ты будешь хорошо учиться, я награжу тебя чем-то еще лучшим».

Ах, так вот в чем дело! Искусство манипуляции императора было просто блестящим!

Фу Е не только должен был вставать до рассвета, чтобы учиться, но и посещать уроки физкультуры.

Он неплохо стрелял из лука. Его школа была одной из лучших в столице провинции с богатой программой физкультуры, и он учился стрельбе из лука в течение трех лет в средней школе. Однако эти древние луки не имели ничего общего с теми, с которыми он играл на уроках физкультуры — материалы и мощность были совершенно другими.

Его руки дрожали, когда он натягивал тетиву.

Он был худощавым, и стрелы, выпущенные из его тонких рук, были слабыми. Он мог поразить цели на близком расстоянии, но все, что было дальше, было для него невозможно.

Его тренер сказал: «Ваше Высочество, посмотрите на мишени, в которые стрелял Его Величество».

Фу Е увидел кучу пробитых мишеней и не мог не почувствовать серьезного уважения к Фу Хуану.

Этот человек был смертельно опасен с луком.

Фу Е считал верховую езду самым сложным занятием.

Как аристократ, он имел много слуг, которые ему помогали, но дворцовые лошади были огромными животными. В его возрасте он был слишком стар, чтобы ездить на пони, поэтому он мог только два раза объехать императорскую конюшню под руководством инструктора по верховой езде.

Фу Хуан стоял рядом, сложив руки за спиной, и наблюдал, как он качается в седле.

Хотя он не умел хорошо ездить, было ясно, что ему это нравится.

Он не хотел заниматься учебой, но эти занятия его искренне воодушевляли.

Евнух Цин заметил, что за последние несколько дней Его Величество сильно изменился.

Он был не таким безжизненным и мрачным, как раньше, — он казался более живым.

Хотя теперь он вел себя еще более величественно.

Благодаря своей естественной величественной внешности и императорскому поведению он излучал авторитет, не нуждаясь в словах. Наблюдая за тем, как шестой принц учится ездить верхом, он казался довольно незаинтересованным.

Император не щадил его.

Фу Е вернулся к тому месту, где стояли Фу Хуан и другие, и сказал: «Я впервые сажусь на лошадь».

«Для тебя выбрали самых покладистых лошадей», — ответил Фу Хуан.

По сути, он сказал, что любой идиот мог бы это сделать.

Фу Е сказал: «Если бы старший брат похвалил меня, я бы, может, ехал еще лучше».

Во всей стране только принц Хуан имел смелость так разговаривать с императором.

Евнух Цин и другие были к этому привычны, но тренеры выглядели готовыми упасть в обморок, склонив головы и не смея взглянуть на выражение лица императора.

Конечно, император никого не похвалил бы, и Фу Е знал это — именно поэтому он и сказал это.

Сяо Ай заметила: «Вы, ребята, начинаете походить на настоящих братьев».

Фу Е сел на лошадь, сжимая поводья, и смотрел, как Фу Хуан и его свита уходят.

«Я обнаружил секрет», — сказал он Сяо Ай. «Фу Хуан, похоже, не только наслаждается тем, что люди его боятся. Когда я проявляю к нему небольшое неуважение, он как будто оживляется».

Сяо Ай сказала: «Он просто ушел, не сказав ни слова».

Фу Е ответил: «Ты не поймешь — это ощущение».

Сяо Ай сказала: «Ну, продолжай очаровывать его. Я уйду. Если однажды твоя ложная личность будет раскрыта, а он все равно не сможет заставить себя убить тебя, ты сорвешь куш».

Фу Е содрогнулся от этой мысли.

Честно говоря, чем ближе он становился к Фу Хуану, тем больше боялся, что когда правда выйдет наружу, его смерть будет еще более ужасной.

Но его кожа была действительно нежной — настолько нежной, что *он, должно быть, главный герой романа*.

После недолгой езды верхом внутренние стороны его бедер были изранены и опухли. Во время купания несколько царепин заставили его вздохнуть от боли, и он сразу же позвал Цин Си, чтобы тот принес мазь.

Кто бы мог подумать, что, как только он вошел в зал, он увидел Фу Хуана, сидящего там и читающего книгу.

«Какую мазь ты хочешь?» — спросил Фу Хуан.

Фу Е, закутанный в тяжелую мантию, ответил: «Седло было слишком жестким — оно натерло мне бедра до крови. А теперь, когда я побывал в горячей воде, они ужасно чешутся».

Цин Си принес мазь. Фу Е взял ее и сказал: «Хорошо, что я был готов».

Фу Хуан не любил, когда вокруг него были люди; он предпочитал тишину, поэтому Цин Си и другие обычно ждали на другой стороне зала. Сидя на кушетке, Фу Е взглянул на Фу Хуана, затем слегка повернулся, чтобы нанести мазь на внутреннюю часть бедер. Тяжелая мантия раздвинулась, обнажив одну из его ног — ногу молодого человека, стройную и красивую, бесспорно привлекательную.

Закончив, он снова застегнул халат и наклонился вперед, чтобы спросить: «Что ты читаешь, старший брат?»

Хотя в последнее время погода была не такой холодной, подогрев поддерживал в зале весеннюю теплоту. Его халат распахнулся, обнажив внутреннюю часть бедра — красную и опухшую кожу, смазанную мазью, блестящую от влаги, что делало нетронутые участки еще более чистыми и гладкими.

Фу Хуан сказал: «Надень нижнюю одежду».

Фу Е, который только что сидел напротив него, скрестив ноги, встал с кушетки, чтобы одеться.

Если только это не была особенно сложная одежда, Фу Е никогда не позволял другим помогать ему одеваться. Фу Хуан поднял глаза и увидел, как он повесил бледно-красную мантию с узорами красных облаков на ширму, закрыв изображенную на ней придворную даму.

Такие ширмы были распространены во дворце. Во время правления императора Фу Цзуна процветала живопись придворных дам, многие из которых были созданы самими придворными дамами, известными своей изысканной красотой. Параван, выбранный Фу Е, был особенно роскошным, с потрясающими украшениями, но в этот момент его блеск был затмнен фигурой, стоящей за ним. Надевая нижнюю одежду, Фу Е сказал: «Когда наступает лето, мы все еще должны так формально одеваться во дворце?»

Он смутно помнил, что читал, что древние люди были гораздо более открытыми, чем предполагает современное воображение — они носили прозрачную летнюю одежду в жару, от которой современные люди покраснели бы.

Фу Хуан сидел со скрещенными ногами с царственной невозмутимостью. «Во дворце есть лед».

Фу Е полностью оделся, даже надел белые шелковые носки, и снова сел напротив него. «Нельзя ли носить меньше одежды?»

Фу Хуан спросил: «Как мало ты хочешь носить?»

Фу Е улыбнулся, но не ответил.

Фу Хуан слегка откинулся назад.

«Цин Си».

Цин Си вошел, опустив голову, осторожно.

«Ваше Высочество, ваши волосы еще мокрые. Вы не заметили?»

Фу Е сказал: «Я уже некоторое время сушу их. Просто у меня слишком много волос».

Цин Си поспешно принес полотенце.

Фу Е не оставалось ничего другого, как снова сушить их.

Его волосы рассыпались каскадом — густые, черные как смоль, просто завораживающие. Фу

Хуан всегда презирал тех, кто потакал роскоши, но в этот момент он почувствовал, что все богатства мира должны принадлежать этому принцу.

Наблюдая за ним из-под лобья, пока он сушил волосы, он видел, как в его глазах танцует свет свечей.

«Сегодня Чжан Цзяньвэнь спросил, не хочу ли я выбрать еще нескольких партнеров по учебе или тренировкам. Расспросив его, я узнал, что некоторые из кандидатов, которые пришли во дворец в то время, все еще хотят поступить — они попросили его выступить посредником. Могли ли я привести еще нескольких во дворец, чтобы они составили мне компанию?» В голове Фу Хуана мелькнули образы тех щеголеватых молодых аристократов, которые часто оглядывались в дворце Циньэнь. «У тебя и так хватает мастеров верховой езды и стрельбы из лука. Тебе все еще не хватает?»

Фу Е просто так об этом упомянул. Чжан Цзяньвэнь был слишком честен, и эти люди умоляли его. Не имея возможности им отказать, он был вынужден обратиться за помощью к Фу Е. Сам Фу Е не особо заботился об этом, но, видя нежелание Фу Хуана, он оставил эту тему.

Вместо этого Фу Хуан спросил его: «Или есть кто-то, кто тебе особенно нравится?»

Он поднял глаза и увидел, что Фу Хуан пристально смотрит на него, его глаза были темными и нечитаемыми.

По какой-то причине он почувствовал сильное напряжение.

Его старший брат, королевский наследник, казался очень подозрительным по поводу этого дела.

Фу Хуан сказал: «В тот день было несколько хороших кандидатов».

Фу Е поднял голову. «Что?»

Фу Хуан добавил: «Я прошу тебя выбрать только партнеров по учебе, а не супругов».

Внезапно осознав смысл слов Фу Хуана, Фу Е поспешно объяснил: «Брат, ты меня не правильно понял».

Видя, что Фу Хуан молчит, он продолжил: «Мое обучение еще не закончено — как я могу иметь время думать о таких вещах? Разве это не предательство ожиданий Вашего Величества и вдовствующей императрицы? Или брат считает меня каким-то развратником?»

Он внезапно вспомнил инцидент с шахматной игрой.

В глазах Фу Хуана он явно оставил очень плохое впечатление!

Он клялся и божился, что не питал ни малейших неблагоприятных мыслей по отношению к Фу Хуану!

Поэтому он сказал Цин Си и остальным: «Оставьте нас».

Фу Хуан бросил взгляд на евнуха Цина и остальных, после чего все они удалились, даже давая знак чернокожим гвардейцам, стоявшим в коридоре, отойти подальше.

Выражение лица Фу Хуана было довольно суровым. «Что ты хочешь сказать?»

Он подумал, что Фу Е действительно намеревался попросить специального партнера по учебе.

Фу Е слегка покраснел и сказал: «Честно говоря, брат...»

Он глубоко вздохнул и прямо посмотрел Фу Хуану в глаза. «Твой младший брат... нетронут».

Затем он добавил: «Совершенно нетронут!»

Фу Хуан был ошеломлен. После этого Фу Е продолжил говорить о том, что «хотя я предпочитаю мужчин, я не безразборен и надеюсь найти кого-то, с кем у нас будет взаимное понимание», но Фу Хуан перестал слушать.

Нетронут?

Похоже, он понял, что означает «Нетронут». Он не был уверен, когда Фу Е закончил говорить, только то, что младший принц теперь краснел и смотрел на него серьезными, трогательными глазами.

Фу Хуан выдал неопределенное «Хм», выпрямил осанку и поправил многослойную одежду, которая тяжело лежала на его коленях.

«Понятно», — сказал он.

Его взгляд скользнул по Фу Е, и он тихо пробормотал: «Такой хороший мальчик».

На мгновение его сердце наполнилось беспокойным жаром, и он не знал, куда оно мчится.